Ригидность как психологический индикатор академической мобильности учащейся молодёжи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Л. М. Волосникова

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень, Российская Федерация,
l.m.volosnikova@utmn.ru*

Е. А. Кукуев

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень, Российская Федерация,
e.a.kukuev@utmn.ru*

О. В. Булатова

*ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
bovl978@list.ru*

О. В. Огороднова

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень, Российская Федерация,
o.v.ogorodnova@utmn.ru*

О. С. Андреева

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень, Российская Федерация,
o_andreeva@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Социально-экономические и политические изменения на рынке труда, в сфере образования обусловили необходимость повышения мобильности учащейся молодёжи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО–Югра), в том числе и с инвалидностью. Особое внимание в этой связи привлекает вопрос развития академической мобильности как личностное свойство на этапе подготовке в вузе.

Цель: выявить особенности проявления академической мобильности у югорской молодёжи, обеспечивающей готовность к построению индивидуального образовательного маршрута, прогнозированию профессиональной деятельности с учётом требований новых социально-экономических условий, активизирующей стремление к непрерывному образованию и самообразованию.

Материалы исследования: результаты опроса студентов вузов Тюмени и Югорского государственного университета, включая студентов с инвалидностью. Исследование проведено в феврале – марте 2019 года.

Результаты и научная новизна. Авторы выявили, что академическая мобильность учащейся молодёжи ХМАО–Югры характеризуется ригидностью. То есть югорская молодёжь не проявляет гибкость, готовность перестроить себя, не оценивает критически имеющийся опыт, не прогнозируют свою деятельность с учётом требований рынка труда. Ригидность выражается в фиксированных формах поведения при неудовлетворённости жизнью, наличии астенических эмоций, слабой осознанностью себя как субъекта самоосуществления. При этом «открытость опыту» югорской молодёжи свидетельствует о желании к реструктурированию опыта, сложившихся поведенческих стереотипов. Выборка исследования сформирована на основе предположения, что именно молодые люди, обучающиеся в университете должны проявлять высокий уровень мобильности.

Таким образом, возникает необходимость разработки программ по развитию академической мобильности у учащейся молодёжи, обеспечивающей готовность к построению индивидуального образовательного маршрута, прогнозированию профессиональной деятельности с учётом требований новых социально-экономических условий, активизирующей стремление к непрерывному образованию и самообразованию.

Ключевые слова: высшее образование, академическая мобильность, студент, ригидность, флексибельность.

Благодарности: выражаем благодарность директору института североведения ФГБОУ ВО «Югорского государственного университета», оказавшего содействие в проведении опроса по выявлению специфики проявления академической мобильности у студентов Северного региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00373 А «Академическая мобильность студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в условиях трансформации высшего образования».

Для цитирования: Волосникова Л. М., Кукуев Е. А., Булатова О. В., Огороднова О. В., Андреева О. С. Ригидность как психологический индикатор академической мобильности учащейся молодёжи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 384–395.

Rigidity as the psychological indicator of academic mobility of students of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra

L. M. Volosnikova

*University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation,
l.m.volosnikova@utmn.ru*

E. A. Kukuev

*University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation,
e.a.kukuev@utmn.ru*

O. V. Bulatova

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
bovl978@list.ru*

O. V. Ogorodnova

*University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation,
o.v.ogorodnova@utmn.ru*

O. S. Andreeva

*University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation,
o_andreeva@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction. Global socio-economic and political changes in the labor market and education, as well as new requirements for the quality of human capital, necessitate the development of academic mobility students of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (hereinafter – Yugra), including students with disabilities. Special attention in the article is drawn to the development of academic mobility as a personal property at the stage of training at the University.

Objective: to reveal the features of the manifestation of academic mobility of the Ugric youth, providing readiness to make an individual educational route, prediction of professional activity, taking into account the requirements of new socio-economic conditions, which activate aspiration for continuous education and self-education.

Research materials: the results of the survey of students of Tyumen universities and the Yugra State University, including students with disabilities. The research was conducted in February – March of 2019.

Results and novelty of the research. The study revealed that the academic mobility of Yugra students is characterized by rigidity. As a rule, they do not demonstrate flexibility, willingness to restructure, critical understanding of their experience, do not predict their activities taking into account the requirements of the labor

market. Rigidity is expressed in fixed forms of behavior with dissatisfaction with life, the presence of asthenic emotions, and weak awareness of oneself as a subject of self-realization. At the same time, students show a desire to restructure the experience, the existing behavioral stereotypes. The study sample is based on the assumption that it is they, young people studying at universities, should show a high level of mobility.

Thus, there is a need to develop programs for the development of academic mobility among students, ensuring the readiness to make an individual educational route, prediction of professional activity, taking into account the requirements of new socio-economic conditions, which activate aspiration for continuous education and self-education.

Key words: higher education, academic mobility, student, rigidity, flexibility.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the Director of the Institute of Northern Studies of the Yugra State University, who assisted in the survey to identify the specifics of academic mobility of students of the Northern region.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the research project No. 19-013-00373 A «Academic mobility of students with disabilities in the context of the transformation of higher education».

For citation: Volosnikova L. M., Kukuev E. A., Bulatova O. V., Ogorodnova O. V., Andreeva O. S. Rigidity as the psychological indicator of academic mobility of students of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 384–395.

Введение

В условиях реализации инновационной экономики и национальных проектов Ханты-Мансийский автономный округ – Югра испытывает дефицит трудовых ресурсов. Одной из причин дефицита трудовых ресурсов является низкая мобильность, ригидность рабочей силы на рынке труда [9]. Проблема ригидности актуализируется при смене образа жизни, в частности, при изменении сложившихся жизненных стереотипов в процессах миграции, требующих адаптации к климатогеографическим, социально-производственным и социально-психологическим условиям [2].

Северный регион, в частности ХМАО – Югра характеризуется [10]:

- уникальностью условий: температурный режим, низкая плотность населения, транспортная труднодоступность и т.д.

- уникальностью этноса: особенности малочисленных народов Севера, особенности проживания, культура, традиции и т.д.

- уникальностью территории: природные ресурсы, новые логистические маршруты и т.д.

Увеличение динамики изменений в мире, усиление мирового внимания к северным территориям может быть не только благом, но и опасностью. Исследователи выделяют:

- риски культурные (культура, традиции, уклад и др.) [1; 8; 13; 17];

- риски медицинские (здоровье, продовольственная безопасность и др.) [15; 19];

- риски социально-психологические (этно-идентичность, интеграция, ситуации неопределённости, профессиональное становление и др.) [8; 16; 18].

В связи с этим возникает необходимость трансформации трудового поведения человека, повышения мобильности, конкурентоспособности. Развитие мобильности и конкурентоспособности югорской молодёжи как личностного качества приобретает особую значимость на этапе профессиональной подготовки, так как при этом закладываются основы будущего специалиста, его мировоззрения на основе специфического восприятия мира и учебно-профессиональной деятельности.

Профессиональное образование обеспечивает учащейся молодёжи трансцендирование и формирование индивидуального жизненного пути при сформированности как универсальных, так и профессиональных компетенций.

При этом, признание «динамики изменений» значимым трендом современности, свидетельствует о необходимости анализа психологического образования, обеспечивающего устойчивость в изменяющемся мире – «мобильность». Высшее образование, имманентно обладая большей открытостью и возможностью организовывать индивидуальную образовательную траекторию, обеспечивает пропедевтический уровень формирования мобильности учащейся молодёжи.

С нашей точки зрения, значимым этапом организованного формирования мобильности

учащейся молодёжи является формирование академической мобильности.

В зарубежных исследованиях академическая мобильность рассматривают в контексте реализации международных программ, в частности, программы Эразмус. Исследователи подчёркивают актуальность мобильности в будущей профессиональной деятельности молодёжи, оптимизации коммуникативных способностей и личностного обогащения через развитие независимости и уверенности. Мобильность также позволяет узнать что-то новое о себе и расширить свой культурный горизонт [14; 20].

В отечественных исследованиях выделяют четыре подхода к рассмотрению сущности «академическая мобильность»: функциональный, личностный, культурологический, виртуальный [11]. Авторская позиция заключается в признании важности личностного аспекта в развитии мобильности в разных сферах жизнедеятельности.

Ю. В. Трофимова отмечает, что академическая мобильность обозначает скорее потенциальную способность или готовность индивида к действию, чем само действие [12]. Автор акцентирует внимание, что мобильность, в широком смысле, понимается в качестве готовности к миграции как территориальному перемещению, и будет в том числе выражаться в потенциальной миграционной активности.

Л. В. Зновенко определяет академическую мобильность как «... личностное образование, которое является результатом деятельности субъекта образовательного процесса, предполагающей проектирование и реализацию студентом индивидуального образовательного маршрута с учётом специфики выбранной профессии, тенденций развития рынка труда, опыта работы, социального опыта и тенденций развития международных и национальных образовательных систем...» [6, 106]. При такой трактовке на первое место выходят личностные особенности, проявляющиеся в процессе обучения, и необходимые для дальнейшего личностного и профессионального роста будущего специалиста.

К аналогичному выводу приходит Н. К. Дмитриева, изучающая академическую мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса. Она отмечает, что

субъектом образовательного процесса является сознательно действующее лицо, которое осознаёт себя личностью, познающей и изменяющей мир. Следовательно, академическая мобильность выступает индикатором адаптации субъекта к изменяющимся условиям, а так же внутреннего преобразования с последующим влиянием на окружающую среду [4].

Таким образом, академическая мобильность нами понимается как свойство личности, обеспечивающее умение управлять собственной образовательной деятельностью, строить свой индивидуальный образовательный маршрут, четко преследуя определённые цели, прогнозировать профессиональную деятельность с учётом требований новой эпохи и нового общества, способность и стремление к непрерывному образованию и самообразованию.

При этом академическая мобильность рассматривается как предиктор социальной и профессиональной мобильности. Тем самым при организованном процессе формирования академической мобильности предвосхищается успешность мобильности человека в ситуациях неопределённости, динамичных изменений как в социальном, так и профессиональном плане.

В данном случае мобильность, в том числе и академическая, рассматривается не с позиции «чтобы уехать куда-то». Актуализируется современный тренд «учиться в разных местах, чтобы вернуться обратно с компетенциями как интеграцией не только знаний, но и менталитетов других территорий, отношений, культур». Поэтому возникает необходимость изучать особенности проявления академической мобильности у югорской молодёжи.

Индикатором академической мобильности выступает континуум «ригидность-флексibilität». В нашем исследовании континуум «ригидность-флексibilität» рассматривается как линейное пространство, показывающее степень проявления в структуре личности ригидности или флексibility. Убывание ригидности ведёт к росту флексibility и наоборот.

Психологическое содержание мобильности можно рассматривать как гибкость, определённую готовность перестроить себя, способность творчески воспринимать и критически оценивать имеющийся опыт, прогнозировать

свою деятельность с учётом возникающих проблем. Понимание мобильности в противовес фиксированным формам поведения (Г. В. Залевский) даёт нам возможность точнее проанализировать её психологические индикаторы. Как отмечает Г. В. Залевский: «Фиксированные формы поведения – это акты поведения индивидуальной (личность) или групповой (семья, производственные и общественные организаций, этнос, общество и государство) системы, упорно повторяющиеся и/или продолжающиеся и в ситуациях, которые объективно требуют их прекращения и/или изменения; при этом уровень осознания и принятия личностью (или группой) этой необходимости может быть разным» [5, 11]. Э. В. Галажинский пишет «... чем выше ригидность, тем сильнее блокируются каналы выхода во внешнюю среду, тем сильнее игнорируются возможности самореализации, которые открываются во взаимодействии человека со средой, тем вероятнее появление поведенческих и других стереотипов в неадекватных для них условиях...» [3, 40]. То есть, ригидность может выступать индикатором мобильности, в данном случае в отношении образовательной деятельности.

Целью статьи является выявление особенностей проявления академической мобильности у югорской молодёжи, обеспечивающей готовность к построению индивидуального образовательного маршрута, прогнозированию профессиональной деятельности с учётом требований новых социально-экономических условий, активизирующей стремление к непрерывному образованию и самообразованию.

Материалы и методы

Исследование проведено в феврале – марте 2019. Студенты вузов Тюмени (880 студентов) и Югорского государственного университета (262 студентов) выступили участниками исследования, включая 50 студентов с инвалидностью (4,03% общей выборки). Исследование проводилось в форме опроса с использованием Google-форм. Опрос начинался с мотивационного обращения, уточняющего цель и задачи опроса, важность объективности ответов для результатов научного исследования. Результаты выгружались в форме таблиц Excel и импортировались в пакет SPSS – 19.0.

Опросник включал в себя:

1. Общие данные респондента – 13 вопросов.
2. Портфолио респондента (данные о наличии/отсутствии фактов академической мобильности в опыте респондента) – 8 вопросов.
3. Анкета «Готовность к мобильности» – анализ представлений и мотивации респондента к осуществлению академической мобильности – 5 вопросов.
4. Томский опросник ригидности Г. В. Залевского – 150 вопросов.
5. Опросник жизнестойкости (русскоязычная адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой англоязычного опросника Hardiness Survey (С. Мадди (Maddi), 1984) – 24 вопроса.
6. Шкала удовлетворённости жизнью (E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen и S. Griffin (1985 г.), адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним в 2003 г.) – 5 вопросов.
7. Шкала открытости (вариант адаптации 5PFQ (сост. Хийджиро Теуйн) в адаптации А. Б. Хромова) – 15 вопросов.

Результаты

В соответствии с заявленной темой исследований частотный анализ результатов рассмотрим на выборке студентов Югорского государственного университета (262 студента) (рис. 1).

Рис. 1. Уровень академической мобильности (Ханты-Мансийск, февраль-март 2019 г., %)

У большего количества студентов зафиксирован низкий уровень академической мобильности. В данном случае это интегративный показатель и результат является следствием того, что 94,7% респондентов не принимали никогда участия в программах академической мобильности; 85,5% не получали дополнительного образования; 77,9% не имели сертификатов он-лайн образования; 83,2% не участвовали в конкурсах проектов или грантов; 87% студентов не имели опубликованных научных статей.

При этом выявлены прямые корреляционные связи (здесь и далее: * - $\rho \leq 0,05$, ** - $\rho \leq 0,01$) с «Самооценкой мобильности» студентов: участием в учебных и научных мероприятиях (0,147*), получением дополнительного образования (0,145*), сертификатами получения образования он-лайн-курсов (0,141*), участием в конкурсах проектов, грантов (0,207*). С другой стороны, студенты не проявляющие мобильности в учебной и научной деятельности сами и низко оценивают свою мобильность. Значит, действительно, вопрос не во внешних условиях, а именно в психологических контекстах студентов, детерминирующих (флексильность) или препятствующих (ригидность) формированию и проявлению академической мобильности.

По опроснику TOP3 (Томский опросник ригидности Г. В. Залевского) диагностируются следующие параметры ригидности:

1. Шкала общей ригидности – склонности, к широкому спектру фиксированных форм поведения (СКР – симптомокомплекс ригидности).

2. Шкала актуальной ригидности (АР) – неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и т.п.

3. Шкала сенситивной ригидности (СР) отражает эмоциональную реакцию человека на новое, на ситуации, требующие каких-либо изменений, возможно, страх перед новым, своего рода неophobia.

4. Шкала установочной ригидности (УР) также отражает личностный уровень проявления психической ригидности, выраженный в позиции, отношении или установке на принятие - непринятие нового.

5. Шкала ригидности как состояния (РСО). Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что в состоянии страха, стресса

(дистресса), плохого настроения, утомления или какого-либо болезненного состояния человек в высокой степени склонен к ригидному (шире – к фиксированному) поведению.

6. Шкала преморбидной ригидности (ПМР). Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что испытуемый уже и подростковым и юношеском (школьном) возрасте испытывал трудности в ситуациях каких-либо перемен, нового и т.п. (табл. 1).

Таблица 1

Показатели ригидности студентов ЮГУ (TOP3, февраль-март 2019, %)

Уровень/ Шкалы	СКР	АР	СР	УР	РСО	ПМР
Низкий	1,5	21,8	13	14,1	13	3
Умеренный	54,6	64,5	56,9	74	29,8	60,3
Высокий	43,9	13,7	29,3	11,9	35,1	36,3
Очень высокий	0	0	0,8	0	22,1	0,4

Прежде всего, обращают внимание данные по шкале общей ригидности, которые соответствуют 43,9% (высокому уровню), что свидетельствует о доминировании фиксированных форм поведения в выборке студентов. Наряду с этим, 22,1% респондентов проявляют «очень высокий» уровень ригидности как состояния (РСО). То есть, при астенических эмоциях повышается риск проявления ригидности. Учитывая характеристики современности в виде динамизма и неопределённости, полученный результат требует дополнительного анализа и коррекционных программ.

Проведённый корреляционный анализ выявил обратную зависимость между показателями академической мобильности и уровнем ригидности. Это свидетельствует, что ригидность может рассматриваться как устойчивый психологический индикатор академической мобильности: чем выше академическая мобильность студента, тем ниже уровень его ригидности.

Опросник жизнестойкости (русскоязычная адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, англоязычного опросника Hardiness Survey (С. Мадди (Maddi), 1984) позволил выявить уровень жизнестойкости человека (ЖС) и её компонентов: вовлеченности (ЖС - В), контроля (ЖС - К), принятия риска (ЖС - ПР) (табл. 2).

Показатели личностного потенциала студентов ЮГУ (февраль-март 2019, %)

Уровень/шкалы	ЖС – В	ЖС - К	ЖС - ПР	ЖС	УЖ	ОЗ	ОО	ИО
Низкий	54,2	40,1	35,9	48,1	30,2	22,1	21	19,1
Средний	32,1	49,6	59,5	44,7	58	61,5	54,2	64,9
Высокий	13,7	10,3	4,6	7,3	11,8	16,4	24,8	16

Как видно из таблицы 2 низкий уровень ЖС (48,1%) является преобладающим. То есть почти половина студентов переживает проблемную систему убеждений о себе, мире, об отношениях с миром.

У 30,2% респондентов был выявлен низкий уровень удовлетворённости жизнью (УЖ). Следует отметить, что каждый пятый (19,1%) показывает низкий уровень открытости знаниям и опыту. Но индекс открытости находится в прямой корреляционной связи с «Самооценкой мобильности» (0,274**).

В дальнейшем исследовании применялся однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) на основе сравнения средних значений. Сравнивались результаты диагностики студентов Севера (г. Ханты-Мансийск) и вузов Тюмени. В анализ выбирались результаты, прошедшие проверку критерием Ливиня и соответствующие уровню значимости не ниже 0,05 (табл. 3).

Таблица 3

Дисперсионный анализ результатов диагностики студентов (Тюмень, n=880, Ханты-Мансийск, n=262)

	F	Знч.
Готовность учиться в другом Российском вузе	4,722	0,030
ТОР3 - общая ригидность	13,330	0,000
ТОР3 - актуальная ригидность	17,266	0,000
ТОР3 - установочная ригидность	8,950	0,003
ТОР3 - сенситивная ригидность	20,748	0,000
ТОР3 - ригидность как состояние	5,237	0,022
ТОР3 - преморбидная ригидность	7,337	0,007
ЖС - контроль	4,114	0,043
Открытость опыту	5,375	0,021

Студенты Югорского госуниверситета значительно выше готовы к внутрироссийской акаде-

мической мобильности, проявляя желание временно обучаться в другом вузе (рис. 2).

Рис. 2. Сравнение результатов по вопросу «Готовность учиться в другом Российском вузе», средний балл

Но это желание не подкрепляется психологическими индикаторами. По всем компонентам ТОР3 студенты Ханты-Мансийска показывают значимо более высокий уровень ригидности (рис. 3). Именно этот аспект требует более содержательного исследования в дальнейшем.

Рис. 3. Сравнение результатов жизнестойкости «Шкала контроль», средний балл

Как следует из рекомендаций по интерпретации результатов теста: «контроль» представляет собой убеждённость в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Результат показателен в рамках анализа уникальности выборки (рис. 4). Если понимать, что в условиях Севера «борьба» является естественным состоянием человека, то именно контроль в структуре жизнестойкости приобретает весомое значение. Тогда следует и показатели ригидности анализировать также через региональную (северную) призму.

Рис. 4. Сравнение результатов «Открытости опыту», средний балл

Предыдущие выводы подкрепляются результатом открытости опыту студентов Ханты-Мансийска в сравнении со студентами вузов Тюмени. То есть, в условиях уникальности среды Севера именно «открытость опыту» является актуальной. Опыт как непосредственно закреплённые умения, навыки обеспечивают успешность жизнедеятельности в сложных условиях Севера.

Обсуждение и заключение

Фиксация низкого уровня академической мобильности у югорской молодёжи, проявляется в том, что подавляющее число студентов не активны в учебной и научной деятельности. Это является подтверждением того, что сам факт создания условий для проявления академической мобильности не обязательно влечёт за собой соответствующую активизацию студентов. Поэтому и была предпринята попытка

анализа психологических индикаторов мобильности.

Показатели симптомокомплекса ригидности (высокий уровень – 43,9%) не совпадают с результатами, полученными Томскими учёными [7] (32% низкий, 58% умеренный уровень), а также результатами, полученными на выборке студентов из Тюмени (см. табл. 3). Выявленная особенность должна интерпретироваться в системе таких факторов, которые могли на нее повлиять. В частности, к ним можно отнести описанные выше характеристики уникальности северного региона. Полученные нами данные будут положены в основу разработки программы дальнейшего исследования.

Доминирование низкого уровня жизнестойкости и удовлетворённости жизнью (УЖ) как раз и может выражать астенические эмоции, которые находят своё выражение в выявленном «очень высоком» уровне ригидности как состояния. Корреляционный анализ выявил обратную зависимость ($-0,494^{**}$) между этими компонентами. При этом характеристики мобильности находятся в прямой корреляционной связи с параметрами жизнестойкости, что подтверждает необходимость целенаправленной работы по формированию академической мобильности.

Распределение респондентов по уровням открытости с одной стороны – может соответствовать нормальному распределению. С другой стороны – это студенческая молодёжь, которая согласно нормам возрастного развития и уровню получаемого образования, должна проявлять большую открытость. Выводы по результатам анализа жизнестойкости (контроль) и открытости (опыту) показательны именно в уникальности северных территорий. Эти данные требуют повторного анализа (с учётом расширения выборки, введением дополнительных социально-психологических индикаторов) выявленного уровня ригидности (значимо превышающего показатели студентов Тюмени). По всей видимости «ригидность», «фиксированные формы поведения» могут иметь иное психологическое содержание и характеристики в условиях Севера.

Выборка исследования сформирована на основе предположения, что именно молодые люди, обучающиеся в университете должны проявлять высокий уровень мобильности,

согласно возрастным нормам и самому факту приобщения к высшему образованию.

Северные регионы России находятся сегодня в фокусе пристального внимания. Конечно, нужно признать, что это связано в большей степени с экономическими причинами. Но, уникальность территорий составляют не только природные ресурсы, а, прежде всего, человеческие. И актуальность понимания психологии людей, которые живут здесь, как исторически, так и в рамках социальной и профессиональной мобильности, резюмируется априори.

Мы исходим из понимания, что «чтобы работать на Севере, чтобы его осваивать, нужно учиться и жить здесь». Только в этом случае,

человек приобщается к северному менталитету. Поиск психологических индикаторов, характеризующих мобильность, позволит снять напряжённость в диаде «автономность/интеграция». И, именно молодые люди, получающие высшее образование, призваны быть наиболее мобильными. Поэтому через формирование академической мобильности, в частности, систематического приезда студентов в северные вузы ХМАО, Красноярского края и т.д. и временное обучение учащихся в них и в других университетах России и зарубежья позволит сформировать необходимый психологический и социальный задел, потенциал для совместной деятельности, в том числе в Арктике.

Список источников и литературы

1. Айснер Л. Ю., Агапова Т. В. Роль культуры в формировании этнического самосознания коренных малочисленных народов Севера // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. Матер. междунауч.-практич. конф. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2017. С. 15–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30633999> (дата обращения: 22 марта 2019).
2. Бокова О. А. Теоретические основы изучения личностной ригидности как показателя открытости психологической системы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 40–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22483090> (дата обращения: 3 мая 2019).
3. Галажинский Э. В. Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии» (20 апреля 2001 года). Караганда: Изд-во КарГУ 2001. С. 38–48. URL: <http://1-source.ru/articles/galajinskii-rigidnost.html> (дата обращения: 20 марта 2019).
4. Дмитриева Н. К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 4(4). С. 58–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21589843> (дата обращения: 3 мая 2019).
5. Залевский Г. В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии): Fixed forms of behavior of individual and Group systems (in culture, education, science, norm and pathology). Томск: Том. гос. ун-т, 2004. 460 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20083732> (дата обращения: 22 марта 2019).
6. Зновенко Л. В., Макареня А. А. Академическая мобильность студента как фактор успешного становления профессиональной компетентности будущего педагога // Образование в эпоху перемен: сб. науч. трудов. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005. С. 105–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17105681> (дата обращения: 3 мая 2019).
7. Кравцова Н. А., Довженко А. Ю., Галкина Д. А. Психическая ригидность у студентов медицинского вуза // Актуальные проблемы психологии и педагогики. Матер. междунауч.-практ. конф. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2016. С. 339–345 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27636344_44492623.PDF (дата обращения: 25 марта 2019).
8. Ноговицын Д. Д., Шеина З. М., Сергеева Л. П. К вопросу о традиционном образе жизни коренных малочисленных народов севера // Вестник научных конференций. 2017. № 10-3 (26). С. 98–99. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30677640> (дата обращения: 3 мая 2019).
9. Осинцев Д. В. К вопросу о мобильности трудовых ресурсов в современных условиях // В мире научных открытий. Матер. XV Междунауч.-практ. конф. М.: Спутник+, 2015. С. 179–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23594183> (дата обращения: 5 мая 2019).
10. Петрова В. С. Проблемы социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 51. С. 36–41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27663801> (дата обращения: 3 мая 2019).
11. Ставрук М. А. Содержание и организация академической мобильности студентов Финляндии. Ярославль: Ремдер, 2010. 258 с.

12. Трофимова Ю. В. Академическая мобильность: психологические основания // Актуальные проблемы современности. 2015. № 1(7). С. 158–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27360440> (дата обращения: 5 мая 2019).
13. Armitage D., Berkes F., Dale A., Kocho-Schellenberg E., Patton E. Co-management and the co-production of knowledge: Learning to adapt in Canada's Arctic // *Global Environmental Change*. 2011. Vol. 21. Issue 3. pp. 995–1004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2011.04.006>.
14. Dolga L., Filipescu H., Popescu-Mitroi M. M., Mazilescu C. A. Erasmus Mobility Impact On Professional Training And Personal Development Of Students Beneficiaries // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 191. pp. 1006–1013. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.235>.
15. Karron R. A., Singleton R. J., Bulkow L., Parkinson A., Kruse D., DeSmet I., Indorf C., Petersen K.M., Leombruno D., Hurlburt D., Santosham M., Harrison L. Severe respiratory syncytial virus disease in Alaska Native children // *The Journal of infectious diseases*. 1999. Vol. 180. Issue 1. pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/314841>.
16. Kirko V. I., Malakhova E. V., Pack N. I. Education for the Future: New Strategies of Distance Education for the Universities of Eastern Siberia // *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2014. Vol. 15. № 4. pp. 23–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23994510> (дата обращения: 20 марта 2019).
17. Koptseva N. P., Kirko V. I. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 3. pp. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s5p217>.
18. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai // *Bylye gody*. 2015. Vol. 38. Issue 4. pp. 1028–1038. URL: http://www.bg.sutr.ru/journals_n/1449044743.pdf (дата обращения: 20 марта 2019).
19. Ruth A. Karron, Rosalyn J. Singleton, Lisa Bulkow, Alan Parkinson, Donn Kruse, Irma DeSmet, Carol Indorf, Kenneth M. Petersen, Donna Leombruno, Debra Hurlburt, Mathuram Santosham, Lee H. Harrison for the RSV Alaska Study Group Severe Respiratory Syncytial Virus Disease in Alaska Native Children // *The Journal of Infectious Diseases*. 1999. Vol. 180. Issue 1. pp. 41–49. <https://doi.org/10.1086/314841>.
20. Simoes D., Pinheiro M., Santos C. A., Filipe S., Barbosa B., Dias G.P. Insights into the expectations of mobility students: the impact of Erasmus in their future professional careers // 3rd International Conference on Higher Education Advances. Valencia. 2017. pp. 696–704. DOI: <https://doi.org/10.4995/HEAd17.2017.5360>.

References

1. Aysner L. Yu., Agapova T. V. *Rol' kul'tury v formirovanii jetnicheskogo samosoznaniya korennykh malochislennykh narodov Severa* [The role of culture in the formation of ethnic identity of the indigenous peoples of the North]. *Tehnologii razvitiya social'nykh, jekonomicheskikh i logisticheskikh processov Arkticheskoy zony Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Technologies of development of social, economic and logistical processes of the Arctic zone of Russia: history and modernity. Materials of the international scientific conference]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. un-t Publ., 2017. pp. 15–19. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30633999_58357369.pdf. (accessed March 22, 2019). (In Russian)
2. Bokova O.A. *Teoreticheskie osnovy izuchenija lichnostnoj rigidnosti kak pokazatelya otkrytosti psihologicheskoy sistemy* [Theoretical foundations of the study of personal rigidity as an indicator of the openness of the psychological system]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2014, no. 4 (47), pp. 40–43. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22483090>. (accessed May 03, 2019). (In Russian)
3. Galazhinskiy Ye. V. *Rigidnost' kak obshhesistemnoe svojstvo cheloveka i samorealizaciya lichnosti* [Rigidity as a system quality of a person and self-realization of a person]. *Materialy konferencii «Chelovek v psihologii: orientiry issledovaniy v novom stoletii» (20 aprelja 2001 goda)* [Proceedings of the scientific conference «Man in psychology: guidelines for research in the new century» (April 20, 2001)]. Karaganda: Izd-vo KarGU Publ., 2001. pp. 38–48. Available at: <http://1-source.ru/articles/galajinskii-rigidnost.html>. (accessed March 20, 2019). (In Russian)
4. Dmitrieva N. K. *Akademicheskaja mobil'nost' kak lichnostnoe kachestvo subjektov obrazovatel'nogo processa* [Academic mobility as a personal quality of subjects of education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: XXI century], 2013, no. 4 (4), pp. 58–65. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21589843>. (accessed May 03, 2019). (In Russian)
5. Zalevskiy G. V. *Fiksirovannye formy povedeniya individual'nykh i gruppovykh sistem (v kul'ture, obrazovanii, nauke, v norme i patologii)* [Fixed forms of behavior of individual and group systems (in culture, education, science, in norm and pathology)]. Tomsk: Tomsk. gos. un-t Publ., 2004. 460 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20083732>. (accessed March 22, 2019). (In Russian)
6. Znovenko L. V., Makarenko A. A. *Akademicheskaja mobil'nost' studenta kak faktor uspehnogo stanovleniya professional'noj kompetentnosti budushhego pedagoga* [Academic mobility of a student as a factor of successful

formation of professional competence of future teacher]. *Obrazovanie v jepohu peremen* [Education in the era of changes]. Saint-Petersburg: GNU IOV RAO Publ., 2005. pp. 105–109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17105681>. (accessed May 03, 2019). (In Russian)

7. Kravtsova N. A., Dovzhenko A. Yu., Galkina D. A. *Psikhicheskaya rigidnost' u studentov meditsinskogo vuza* [Psychic rigidity of students of a medical high school]. *Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of psychology and pedagogy. Materials of the international scientific conference]. Orenburg: Orenburgskiy gos. un-t Publ., 2016. pp. 339–345. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27636344_44492623. (accessed Marth 25, 2019). (In Russian)

8. Nogovitsyn D. D., Sheina Z. M., Sergeeva L. P. *K voprosu o tradicionnom obraze zhizni korennykh malochislennykh narodov severa* Institut fiziko-tehnicheskikh problem Severa [To the question of the traditional way of life of indigenous people of the North]. *Vestnik nauchnykh konferencij* [Journal of scientific conferences], 2017, no. 10–3 (26), pp. 98–99. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30677640>. (accessed May 03, 2019). (In Russian)

9. Osintsev D. V. *K voprosu o mobil'nosti trudovykh resursov v sovremennykh usloviyakh* [To the question of mobility of labor resources in modern conditions]. *V mire nauchnykh otkrytij: Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [In the world of scientific discoveries: Proceedings of the XV International scientific and practical conference]. Moscow: Sputnik+ Publ., 2015. pp. 179–184. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23594183>. (accessed May 05, 2019). (In Russian)

10. Petrova V. S. *Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Khanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry* [Problems of socio-economic development of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Kontsept»* [Scientific-methodical electronic journal «Concept»], 2017, no. 51, pp. 36–41. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27663801>. (accessed May 03, 2019). (In Russian)

11. Stavruk M. A. *Soderzhanie i organizaciya akademicheskoy mobil'nosti studentov Finlyandii* [Content and organization of academic mobility of students in Finland]. Yaroslavl: Remder Publ., 2010. 258 p. (In Russian)

12. Trofimova Yu. V. *Akademicheskaja mobil'nost': psihologicheskie osnovaniya* [Academic mobility: psychological grounds]. *Aktual'nye problemy sovremennosti* [Actual problems of modernity], 2015, no. 1 (7), pp. 158–161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27360440>. (accessed May 05, 2019). (In Russian)

13. Armitage D., Berkes F., Dale A., Kocho-Schellenberg E., Patton E. Co-management and the co-production of knowledge: Learning to adapt in Canada's Arctic. *Global Environmental Change*, 2011, no. 21 (3), pp. 995–1004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2011.04.006>. (In English)

14. Dolga L., Filipescu H., Popescu-Mitroi M. M., Mazilescu C. A. Erasmus Mobility Impact On Professional Training And Personal Development Of Students Beneficiaries. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 191, pp. 1006–1013. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.235>. (In English)

15. Karron R. A., Singleton R. J., Bulkow L., Parkinson A., Kruse D., DeSmet I., Indorf C., Petersen K. M., Leombruno D., Hurlburt D., Santosham M., Harrison L. Severe respiratory syncytial virus disease in Alaska Native children. *The Journal of infectious diseases*, 1999, no. 180 (1), pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/314841>. (In English)

16. Kirko V. I., Malakhova E. V., Pack N. I. Education for the Future: New Strategies of Distance Education for the Universities of Eastern Siberia. *Turkish Online Journal of Distance Education*, 2014, no. 15 (4), pp. 23–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23994510>. (accessed March 20, 2019). (In English)

17. Koptseva N. P., Kirko V. I. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, no. 6 (3), pp. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s5p217>. (In English)

18. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai. *Byl'e gody*, 2015, no. 38 (4), pp. 1028–1038. Available at: http://www.bg.sutr.ru/journals_n/1449044743.pdf. (accessed March 20, 2019). (In English)

19. Ruth A. Karron, Rosalyn J. Singleton, Lisa Bulkow, Alan Parkinson, Donn Kruse, Irma DeSmet, Carol Indorf, Kenneth M. Petersen, Donna Leombruno, Debra Hurlburt, Mathuram Santosham, Lee H. Harrison for the RSV Alaska Study Group Severe Respiratory Syncytial Virus Disease in Alaska Native Children. *The Journal of Infectious Diseases*, 1999, no. 180 (1), pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/314841>. (In English)

20. Simoes D., Pinheiro M., Santos C. A., Filipe S., Barbosa B., Dias G. P. Insights into the expectations of mobility students: the impact of Erasmus in their future professional careers. *3rd International Conference on Higher Education Advances*. Valencia: Editorial Universitat Politecnica de Valencia, 2017. pp. 696–704. DOI: <https://doi.org/10.4995/HEAd17.2017.5360>. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Волосникова Людмила Михайловна, директор института психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», (625031, Российская Федерация, Тюменская область, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5), кандидат исторических наук, доцент.

l.m.volosnikova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-4774-3720

Кукуев Евгений Анатольевич, доцент кафедры психологии и педагогики детства ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625031, Российская Федерация, Тюменская область, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5), кандидат психологических наук, доцент.

e.a.kukuev@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-2226-8679

Булатова Ольга Владимировна, доцент Гуманитарного института североведения ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (628007, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова 16), кандидат психологических наук, доцент.

bov1978@list.ru

ORCID: 0000-0001-7456-6953

Огороднова Ольга Васильевна, завкафедрой психологии и педагогики детства ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», (625031, Российская Федерация, Тюменская область, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5), кандидат педагогических наук.

o.v.ogorodnova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-5023-3959

Андреева Ольга Станиславовна, завкафедрой общей и социальной психологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», (625031, Российская Федерация, Тюменская область, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5), кандидат психологических наук.

o_andreeva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3101-3122

ABOUT THE AUTHORS:

Volosnikova L. M., Director of Institute of Psychology and Pedagogy, University of Tyumen (625031, Russian Federation, Tyumen Oblast, Tyumen, 9 Maya proyezd, 5), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

l.m.volosnikova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-4774-3720

Kukuev E. A., Associate Professor of the Chair of Child Psychology and Pedagogy, University of Tyumen (625031, Russian Federation, Tyumen Oblast, Tyumen, 9 Maya proyezd, 5), Candidate of Psychological Sciences.

e.a.kukuev@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-2226-8679

Bulatova O. V., Associate Professor of the Humanitarian Institute of Northern Studies, Yugra State University (628007, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov st., 16), Candidate of Psychological Sciences.

bov1978@list.ru

ORCID: 0000-0001-7456-6953

Ogorodnova O. V., Head of the Chair of Child Psychology and Pedagogy, University of Tyumen (625031, Russian Federation, Tyumen Oblast, Tyumen, 9 Maya proyezd, 5), Candidate of Pedagogical Sciences.

o.v.ogorodnova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-5023-3959

Andreeva O. S., Head of Department of General and Social Psychology, University of Tyumen (625031, Russian Federation, Tyumen Oblast, Tyumen, 9 Maya proyezd, 5), Candidate of Psychological Sciences.

o_andreeva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3101-3122